очки и дефицитные кроссовки — всего этого в советском городке было не достать. Требовалось ехать, и даже не в Киев, а в Москву. Еще у него были «жигули», причем менял машины он частенько. Для общества, где автомобиль покупался один раз в жизни, а затем передавался по наследству от деда к внуку, это выглядело вызывающе.

Когда подруги спрашивали у Вовиной мамы, где работает ее сын, она пожимала плечами: «Фарцует, наверное». Поэтому долгое время принято было

Вова был немного загадочным: носил джинсы, фирменные солнцезащитные

когда он получил свой первый срок — семь лет за разбой, стало понятно, что специализация у Вовы не такая уж и мирная. Подруги Вовиной маме вопросов больше не задавали.

К слову, некоторые модные вещи, а в частности джинсовый костюм Montana и кроссовки, кажется, Ессо, достались мне. Из-за этой одежды посторонние

считать, что Вова – фарцовщик. Почетная деятельность в начале 80-х. Только

и кроссовки, кажется, ессо, достались мне. из-за этои одежды посторонние думали, что я из крайне обеспеченной семьи, хотя это было не так. Вряд ли Вовина мама знала, что та небольшая и едва заметная заплатка под мышкой справа на самом деле закрывала дырку от острого колющего предмета. И уж конечно, Вовина мама не знала, что у Вовы в этом месте образовался шрам.

Материнская стратегия ничего не замечать помогала справляться с трево-

чается непростой человек, чья настоящая жизнь проходила где-то на темной стороне советской действительности.

После отсидки Вова вышел возмужавшим и еще более разумным — там, где он отбывал наказание, была возможность заниматься спортом и читать книжки, поэтому парень напоминал скорее действующего атлета, аспиранта физвоса,

гой за судьбу сына. Вероятно, мать замечала, что из Вовы постепенно полу-

а не бывшего зэка. Тетя Тоня, так звали мамину подругу и Вовину маму, утверждала, что он даже немного подрос.

Вова держался, как актер Николай Еременко из фильма «Красное и черное»: был обходителен с мамиными подругами, мог поддержать светскую беседу о театре или кино. Разбирался в книгах и мог достать любую дефицитную

ное»: был обходителен с мамиными подругами, мог поддержать светскую беседу о театре или кино. Разбирался в книгах и мог достать любую дефицитную серию без обычной для остальных советских читателей повинности сдавать макулатуру.

Ярлык сидельца к нему не клеился: выглаженный, побритый и прекрасно

пахнущий, в легком кожаном бомбере или плаще, который можно было увидеть только в журнале «Экран» на Леониде Филатове или Александре Абдулове, Вова подъезжал к нашему подъезду на белых «жигулях» третьей модели, чтобы забрать свою мать из гостей. Если он не поднимался в квартиру, а сигналил, то я выбегал во двор, чтобы посидеть в машине на новеньких дерматиновых сиденьях, пока тетя Тоня прощается с подругами, а потом прокатиться с ними до

Подростковым умом я понимал, что Вова крутой. Я слышал несколько раз,

как родители обсуждали между собой его отсидку. Но в наших коротких встречах от него ни разу не промелькнуло что-то, что могло хотя бы намекнуть о темной стороне: он не матерился, не мурчал, не плевался, говорил постав-

выезда из дворов, к дороге.

ленным голосом, кажется, баритоном.
Мы могли обсудить фильм или книжку, покурить, у Вовы был «Мальборо», а мне было семнадцать, и я уже курил почти официально. Сейчас я не уверен, что ему

оыло семнадцать, и я уже курил почти официально. Сеичас я не уверен, что ему было интересно со мной. Скорее, это было из-за уважения к моей маме, да и вообще из-за воспитанности и необходимости присутствовать на светлой стороне.

во-первых, у нее появился внук. За несколько лет свободы Вова женился на судье, которая судила его в первый раз. Во-вторых, связи невестки помогли сделать срок минимальным, а его отбывание – в местах не столь отдаленных, как в первый раз. Статья, как я сейчас понимаю, тоже была выбрана с тем расчетом, чтобы отсутствовать на свободе недолго. Наконец, Вова сел, когда в городе начался большой отстрел криминальных авторитетов «неизвестными людьми». Буквально за полгода с улиц исчезли козырные тачки, а в залах кафе и ресторанов было не встретить братву. Заведения, которые работали только для этой целевой аудитории, пришли в упадок, а то и вовсе сразу закрылись. Я уже был достаточно взрослый, чтобы объективно оценивать происходящее. Тем более некоторые мои знакомые также попали под раздачу: одни сели, другие остались вечно молодыми. Темная сторона, конечно, не осветлилась,

но опустела. Ненадолго. Получается, Вова благополучно пересидел смутные

Когда Вова сел второй раз, то беспокойства у тети Тони уже было меньше:

времена. Когда Вова вышел, то иллюзий уже ни у кого не было: мать давно поняла, что сына не изменить, поэтому сконцентрировалась на воспитании внука - Вовымладшего. Ситуация для плотного общения бабушки и внука сложилась благоприятная: жена Вовы-старшего тоже рассталась с иллюзиями и завела новую семью. Мальчик от первого брака ей немного мешал. Сам Вова-старший не расстроился, а, казалось, был рад, что все само собой устроилось: жена счастлива в новом браке, мама счастлива с внуком, сын присмотрен, а значит, ему не надо

Отсутствие конкуренции, безупречная репутация в темной среде и отличные коммуникативные способности помогли Вове быстро встать на ноги. В заоблачные высоты он благоразумно не влезал, а на своем среднем уровне устроился суперкомфортно. Дела были, но Вове за них ничего не было. Так бы он и состарился в тени парковой аллеи у любимого казино, если бы не одна

себя насиловать, чтобы наведываться на светлую сторону.

досадная случайность. В самую короткую ночь лета Вова с компанией отмечали в ресторане воз-

вращение старинного друга, даже брата, отмотавшего десятку. Стол ломился, шампанское лилось, музыкантам пришлось задержаться. Едва светало, когда настал момент грустных песен. Растроганная братва вспоминала добрым словом отсутствующих коллег, и возникла идея проехаться

к СИЗО, благо всего 400 метров по асфальтированной прямой дороге. Девушек решили оставить: негуманно дразнить сидельцев женскими телами. Из ресторана прихватили с собой выпивки, еды, чая и сигарет, всерьез рассчитывая «подогреть пацанов», томящихся в неволе. Погрузились в джипы и вереницей

тронулись в сторону тюрьмы, так в народе называли изолятор. Четыреста метров – Майкл Джонсон пробежал эту дистанцию за 43,18 секунды – так мало от воли до неволи: один раз нажать на газ и затормозить. Разогнаться получилось, но остановиться - нет. Колесо «чероки» попало в кана-

лизационную шахту, не прикрытую люком, и машина кубарем катилась до самых ворот СИЗО, через которые все участники кортежа не раз и не два попадали с воли внутрь или на этап. Вова умер на месте. Кроме него, никто не пострадал. Вова-млалший

Тетя Тоня пребывала в прострации, поэтому похороны организовали Вовины друзья. Ни с кем из них она не была знакома. Глина гулко сыпалась на гроб, а она крепко прижимала к себе внука. Вова-младший не плакал, потому что для

него в жизни мало что изменилось. Он с интересом наблюдал за происходящими

вокруг хлопотами и, казалось, не понимал, к чему вся эта скорбь. Но парень он был воспитанный и интеллигентный, поэтому вопросов не задавал и сам не высказывался.

Когда кто-то подходил к нему, чтобы представиться, он сдержанно пожимал руку. Когда ему говорили о защите, поддержке или «чтобы он не стеснялся и обращался в случае чего», он кивал.

Я уже не жил с родителями, поэтому о судьбе Вовы-младшего узнавал из родительских рассказов. Тетя Тоня с мамой по-прежнему дружили и ходили друг к другу в гости. Первое время на встречах присутствовал внук, потом парень подрос — и со стариками ему стало скучно. Жизнь летела широким шагом, и ни-

Пацан был умен, в меру физически развит, но без явных склонностей к че-му-либо. То есть космонавтом, футболистом или пожарным он стать не мечтал. Особых хлопот тете Тоне также не доставлял: учился хорошо, не хулиганил, иногда ночевал у мамы. Разве что быстро научился использовать их с бабушкой холодные отношения и в сложном возрасте, бывало, мог завеяться неизвестно куда на пару дней.

Действительно, тетя Тоня невестку не слишком жаловала: считала, что будь Вова при жене, то трагедии не случилось бы. Что думала по этому поводу сама невестка, мне неизвестно. С ней я совсем не знаком, и виделись мы лишь однажды, на их с Вовой свадьбе.

Зная о проблемах между мамой и бабушкой, Вова мог выбрать момент, чтобы

что не говорило, что на внуке природа отдохнула.

пропасть без особого кипиша со стороны женщин. А когда те начинали бить тревогу, он уже объявлялся. Послушно получал свое, и жизнь снова входила в привычное русло. Настоящее беспокойство у мамы и бабушки началось после Вовиного выпускного. Целый год женщин трясло от страха за судьбу мальчика. Но мамины связи помогли избежать реальных сроков — кражи, как говорила тетя Тоня. Однако что-то мне подсказывало, что она выдавала желаемое за действительное: «На самом деле там не закрытый перелом, а открытый».

Через год Вова женился, и все причастные к его судьбе выдохнули. Бытовых проблем в молодой семье не было: и жильем, и материально молодых обеспечили родители с обеих сторон. Присмирел, носился с беременной женой.

Родился мальчик, и по заведенной в семье традиции его назвали Вовой. Получается — младший. Но младшим малыш был недолго, потому что года через три Вова-старший исчез. Ни связи его мамы, ни тети-Тонина интуиция не помогли отыскать парня. Как будто испарился человек. Теперь тетя Тоня ждет выход-

ных— вдруг правнук забежит в гости. Растет парень хоть куда: умный, красивый и, по словам тети Тони, вылитый Вова. Это и беспокоит пожилую женщину.